

ОТ КРАСНОЙ ПАХРЫ К ТАРУТИНО: АРЬБЕРГАРДНЫЕ БОИ РУССКОЙ АРМИИ В СЕНТЯБРЕ 1812 г.

Важное место в истории Отечественной войны занимают события, связанные с переходом русских войск в сентябре 1812 г. от Москвы к с. Тарутино Калужской губернии. Для обозначения этого периода с середины XX в. в отечественной историографии стали использовать термин Тарутинский маневр или марш-маневр, который прочно закрепился в современной историографии¹. При этом исследователи рассматривали движение от Москвы к Тарутину как последовательную, объединенную между собой общим замыслом, цепь согласованных действий, позволивших главнокомандующему армиями светлейшему князю М.И. Голенищеву-Кутузову реализовать свой план флангового обхода неприятельских войск². С другой стороны, ряд исследователей (в первую очередь дореволюционных) придерживались мнения, что движение вокруг Москвы закончилось не в Тарутине, а с выходом русских армий на Старую Калужскую дорогу, к с. Красная Пахра Московской губернии³.

Сам Кутузов характеризовал обходное движение как фланговый марш, не акцентируя внимания на конечном пункте движения войск⁴. Более того, содержащиеся в документах Главного штаба распоряжения показывают, что сначала целью флангового маневра Кутузов считал Подольск. По прибытию в город главнокомандующий обнаружил, что противник прекратил активное преследование русских войск. Поэтому он принял решение перейти на Старую Калужскую дорогу к Красной Пахре, где армии⁵ были остановлены, а позиция подготовлена к обороне⁶. Но когда противник обнаружил местонахождение войск и начал маневрировать, Кутузов, избегая решительного сражения, предпринял отступательное движение по Старой Калужской дороге, завершившееся в Тарутине. Прекращение боевых действий произошло во многом благодаря переговорам о мире, которые инициировал сам император французов Наполеон.

Как видно, после оставления Москвы главнокомандующий воплощал в жизнь не предварительно обдуманый план действий, а в соответствии с имеющимся у него замыслом делал определенные шаги в зависимости от складывавшейся на театре военных действий обстановки. Поэтому появившийся в советской историографии для обозначения отдельного этапа войны термин Тарутинский марш-маневр носит явно условный характер и не имеет под собой серьезных исторических оснований. Учитывая действия Кутузова и Наполеона, более верным представляется разделение рассматриваемых событий на три самостоятельных этапа: фланговый маневр (со 2 до 8 сентября⁷, от Москвы до Красной Пахры), пребывание в Красной Пахре (с 8 до 15 сентября) и отход русских войск от Красной Пахры к Тарутину (с 15 по 22 сентября). Именно последний, практически выпавший из поля зрения историков этап стал предметом данного исследования. Основываясь на введенной в научный оборот военной документации и источниках личного происхождения (в первую очередь воспоминаниях), в работе предпринимается попытка реконструировать последовательность событий, происходивших в период движения русских войск по Старой Калужской дороге к Тарутину⁸.

Расположив главные силы у Красной Пахры, Кутузов, в ожидании действий неприятеля, выдвинул в разных направлениях два сильных авангардных отряда. К 10 сентября отряд под командованием М.А. Милорадовича располагался впереди армий в д. Десна на Старой Калужской дороге. Он состоял из 8-го пехотного корпуса М.М. Бороздина и 1-го кавалерийского корпуса, находившегося под командованием барона Е.И. Меллера-Закомельского⁹. Второй отряд, под командованием Н.Н. Раевского, стоял в д. Луковне, на левом берегу р. Пахры, прикрывая путь от Подольска к Красной Пахре. В этом отряде находился 7-й пехотный корпус Раевского и 4-й кавалерийский корпус под командованием И.В. Васильчикова. Кроме того, авангардные отряды имели в своем составе казачьи полки, которые наблюдали все, лежащее к югу от Москвы, дороги: на Рязань, Каширу, Серпухов и Калугу (Старую и Новую)¹⁰.

Уже 9 сентября Милорадович сообщил исполнявшему должность начальника Главного штаба армий барону Л.Л. Беннигсену об обнаружении казаками неприятеля на Серпуховской дороге. В последующие дни было замечено продвижение сил противника со стороны Каширской дороги. Начались схватки на аванпостах. Все это заставило Кутузова насторожиться. Не имея точных сведений о перемещении неприятеля и видя его активизацию со стороны Подольска, в Главном штабе предположили, что противник, двигаясь по дороге на Чириково, готовится зайти в тыл русской позиции. Поэтому 11 сентября было принято решение приблизить авангард Милорадовича, и войска, находившиеся в Десне, отступили к армии примерно на 3 км¹¹. После этого в Десну вступили передовые части сводного корпуса маршала Ж.-Б. Бессьера (герцога Истрийского), созданного по приказу Наполеона для поиска русских войск на Старой Калужской дороге¹². В этот же день, 11 сентября, от Луковни к Поливанову отошел отряд Раевского, прикрывавший правый фланг русских

войск. В Поливанове, пишет состоявший при 4-м кавалерийском корпусе подпоручик квартирмейстерской части Д.П. Бутурлин, «находился мост через Пахру, что давало нам возможность следить одновременно с большим вниманием за обоими берегами этой реки»¹³.

Стремясь активизировать боевые действия, Беннигсен 12 сентября предписал Милорадовичу произвести 13 сентября в 5 часов ночи нападение на д. Десну. От него требовалось отбросить неприятельские войска от Десны и занять этот пункт. При этом от первых пленных он должен был узнать «о действительных неприятельских силах», чтобы можно было выслать, в случае необходимости, достаточно войск для поддержки отступления авангарда. Одновременно Раевскому предлагалось сделать фальшивую атаку для отвлечения на себя внимания противника. В подкрепление Милорадовичу направлялись 4-й пехотный корпус графа А.И. Остермана-Толстого и 2-й кавалерийский корпус¹⁴ барона Ф.К. Корфа¹⁵. В тот же день, в 7 часов вечера, Кутузов, придерживавшийся выжидательной тактики, направил Милорадовичу предписание, ограничивавшее рамки его инициативы. Главнокомандующий указывал на необходимость выяснить у пленных, нет ли поблизости крупных сил неприятеля, чтобы избежать возможности завязать генеральное сражение. «Я, - писал главнокомандующий, - ожидая большие подкрепления, хочу сим повременить, а подкрепясь новыми силами дать неприятелю генеральное сражение, и потому избегайте сего случая»¹⁶. После этого, в 8-м часу, Беннигсен прислал предписание Милорадовичу об отмене атаки. Как писал в своих записках Беннигсен, это было сделано по причине появления в штабе предположения, что на следующий день неприятель атакует русские войска. Поэтому Беннигсен предложил Кутузову ожидать противника на занятой у Красной Пахры позиции. Касаясь этого эпизода, Барклай де Толли писал: «Все вообразили себе, что Наполеон со всею своею силою наступал во фланг и в тыл армии»¹⁷.

В то время как в русском штабе ожидали приближения неприятельских войск, в штабе Наполеона еще даже не имели четкого представления о местонахождении армий противника. Полагая, что Кутузов мог занять какую-либо позицию для прикрытия южных губерний, император Франции сосредоточил свое внимание на обследовании именно этого направления. Еще 8 сентября 5-й армейский корпус под командованием князя Ю. Понятовского был выдвинут по дороге на Серпухов к Подольску. С получением известия об исчезновении русских армий с Рязанской дороги, Наполеон 10 сентября создает сводный корпус Бессьера. Ему предписывается следовать к Десне и стараться разведать движение русских сил пока не будут найдены следы исчезнувших армий. Командовавший войсками авангарда на Рязанской дороге маршал И.-Н. Мюрат, в свою очередь, 10 сентября перешел р. Москву вброд у д. Заозер и двинулся к г. Бронницы. Не обнаружив здесь русских армий, Мюрат направился к Подольску. В ночь с 11 на 12 сентября Наполеон писал маршалу, что перед ним должна стоять только одна цель - напасть на след противника¹⁸.

13 сентября Мюрат подошел к Подольску, где соединился с корпусом Понятовского. В тот же день сводный корпус Бессьера занял Десну¹⁹. Выполняя приказ Наполеона, определить место расположения русских армий, противник двинулся дальше, пытаясь выйти со стороны Серпуховской дороги на Старую Калужскую.

Одна часть неприятельских войск следовала по дороге, ведущей от Подольска к Красной Пахре, где располагался отряд Раевского. Во 2-м часу дня Милорадович донес, что противник переправился через р. Десну у Дубровиц. По свидетельству состоявшего при Милорадовиче подпоручика квартирмейстерской части А.Н. Муравьева, русские «имели порядочное дело под Дубровицами». В числе неприятельских войск, двигавшихся в этом направлении, был Вислинский легион, входивший в состав отряда Мюрата. Капитан 2-го пехотного полка этого легиона Г. Брандт писал, что, продвигаясь вперед они не видели противника и что на их пути встречались только небольшие группы казаков. Лишь вечером 13 сентября «приблизились неприятельские конные отряды, имевшие при себе батарею. Открылась живая канонада, в которой приняла участие и наша полковая артиллерия»²⁰.

Второй неприятельский отряд следовал по дороге от Подольска к Чирикову. На это направление, ведущее в тыл русский войск, Раевский выдвинул 26-ю пехотную дивизию с Ахтырским гусарским полком. Для подкрепления этих сил 13 сентября по приказу Кутузова в 3 часа дня был направлен еще один отряд, под командованием графа А.И. Остермана-Толстого, в составе 4-го пехотного и 2-го кавалерийского корпусов. Назначенные для прикрытия Чириковской дороги войска, как свидетельствует Бутурлин, соединились в районе с. Троицкого. После этого, вероятно, отряд выдвинулся к р. Моче, где и вступил в соприкосновение с противником. Находившийся в составе 4-го корпуса поручик 11-й артиллерийской бригады И.Т. Радожицкий вспоминал, что 13 сентября «едва успели мы пройти верст 15, как встретились с неприятелем, с которым уже давно не видались. Французы, увидевши нас, подвинулись к нам версты на 4 ближе. Мы свертывали и развертывали колонны, и, маневрируя, в боевом порядке отступали в виду их, без выстрела; остановились же для ночлега не доходя села Александрова»²¹.

Таким образом, 13 сентября, после вступления противника в соприкосновение с прикрывавшими правый флаг русских войск отрядами, ему удалось нащупать место, где расположились главные силы Кутузова. Утром 15 сентября Наполеон уже знал, что русские армии находятся на Старой Калужской дороге, в одном переходе от Москвы. Такое близкое положение к разбросанным вблизи города частям Великой армии, при учете начавшегося давления на коммуникационную линию, было для войск Наполеона опасным и нетерпимым. Однако французский император, стремившийся дать отдых своим войскам, не решился выступать всеми силами против Кутузова. Он был уверен, что русские армии начнут отходить, если авангард перейдет в решительное наступление. Поэтому Наполеон, передав под командование Мюрата 5-й армейский корпус и 3-й корпус кавалерийского резерва, приказал ему напасть на русские войска и отбросить их на несколько переходов от Москвы, вплоть до Оки. Бессьер с оставшимися в его сводном корпусе силами должен был находиться на Старой Калужской дороге в качестве резерва отряда Мюрата, на который авангард мог бы опереться в случае необходимости. Если бы Кутузов решил защищать занятую им позицию, то Наполеон был готов оставить Москву и лично повести войска против русских армий²².

С этого времени противоборство между противниками начинает набирать свою силу. «Снова, - вспоминал старший врач 3-го вюртембергского конно-егерского полка "Герцог Луис" Г.У Роос, - началась кровавая военная потеха: все виды оружия приведены были в действие, и ежедневно, нередко с утра до вечера, происходила пушечная пальба»²³.

14 сентября активных боевых действий не велось. Бессьер находился в Десне, а Мюрат продолжал нащупывать местоположение главных сил Кутузова, маневрируя отдельными отрядами по разным направлениям к востоку от Старой Калужской дороги. Радожицкий, находившийся при 4-м корпусе, прикрывавшем дорогу на Чириково, отмечал, что 14 сентября русские «войска переменили боевые позиции и, маневрируя, отступили до вечера не более 8 верст, также без выстрела. Неприятель, казалось, не знал в точности наших сил, был осторожен, маневрируя также за нами, постепенно приближался, и к ночи остановился в верстах в 3 от нас»²⁴. Тогда же Кутузов, во избежание обхода русской позиции, принял решение отвести главные силы армии по Старой Калужской дороге к д. Бабинки. 14 сентября была составлена диспозиция, согласно которой армия в 3 часа утра 15 сентября должна была покинуть укрепленный лагерь при Красной Пахре. Для прикрытия русских войск арьергарду Милорадовича предписывалось отойти к Красной Пахре и встать на правом берегу реки. Отряд Раевского направлялся к Красной Пахре на соединение с Милорадовичем. Дорогу на Чириково поручалось наблюдать отряду Остермана-Толстого. Стоявшей левее него 26-й пехотной дивизии диспозицией предписывалось в 3 часа утра от Сатино отойти к Бабинкам на соединение с главными силами²⁵.

15 сентября Милорадович, находившийся с арьергардом при деревне Красная Пахра, сообщил дежурному генералу П.П. Коновницину, что расположенные у Десны аванпосты вступили в перестрелку с неприятелем. Тогда же Остерман-Толстой, прикрывавший дорогу на Чириково, уведомил о концентрации войск на правом фланге, со стороны дороги на Серпухов²⁶. На этом направлении 15 сентября русские войска отступили, как пишет Радожицкий, на 5 верст и заняли позицию при Немчинове. Боевые действия здесь ограничились столкновениями на передовой линии между конными пикетами. При этом, отмечает Радожицкий, особо отличились башкиры, которым противостояли неприятельские фланкеры. Противоборство между ними продолжалось до самого вечера «без урона с обеих сторон». С правой стороны у Сатина, на дороге к Воронову, стояла 26-я дивизия. В то время, когда войска Остермана-Толстого находились в ожидании атаки противника, «вправо, - пишет Радожицкий, - слышна была канонада: там неприятель теснил дивизию генерала Паскевича (т.е. 26-ю дивизию. - В.Б.)»²⁷. Из этого замечания следует, что она не отошла в назначенное диспозицией время на соединение с армией. Сделано это было, вероятно, уже после столкновения с неприятелем. По крайней мере, вечером 15 сентября по повелению Кутузова 26-я пехотная дивизия должна была выступить на подкрепление отряда Остермана-Толстого²⁸.

15 сентября свое движение противник продолжил и по дороге, ведущей к Красной Пахре, которую прикрывал отряд под командованием Раевского. Находясь на этом направлении капитан 2-го пехотного полка Вислинского легиона Брандт вспоминал: «27 [15] сентября, в шесть часов утра, выступили мы далее, и, отойдя несколько верст от лагеря, наткнулись на неприятеля. Произошло несколько незначительных схваток, при которых, как мне показалось, слишком много палили из пушек. Позже неприятель действовал настойчивее; казаки готовились даже атаковать нас, но отошли, когда мы двинулись против них. Тогда была демаскирована многочисленная кавалерия, под покровительством которой продолжалось отступление. Обе пехотные дивизии (Вислинский легион и 2-я пехотная дивизия 1-го армейского корпуса. - В.Б.) построились в два большие каре, имея в промежутках кавалерию (кирасиры в середине, легкая кавалерия на флангах). После сильной

канонады, французы повели атаку, однако русские не приняли бой». Бутурлин, описывая эти события, отмечал, что, получив приказание к отходу на Красную Пахру, войска «отступили и при том медленно, так как неприятель нисколько не теснил нас». Раевский, получив приказ, отменявший движение к Красной Пахре, остановил свои войска в Пыхчеве. Но уже вечером 15 сентября поступил новый приказ о соединении с Милорадовичем, которому, как старшему генералу, поручалось командование арьергардом²⁹.

Вечером 15 сентября вблизи Красной Пахры произошел инцидент, запечатлевшийся в памяти многих мемуаристов, участвовавших в движении от Красной Пахры к Тарутину. Среди непосредственных участников этого события с русской стороны были Бутурлин и состоявший при арьергарде прапорщик квартирмейстерской части Н.Н. Муравьев, воспоминания которых, по сравнению с другими, отличаются большей детализацией и полнотой описания.

Отходившие по Старой Калужской дороге войска арьергарда под командованием Милорадовича перешли р. Пахру и расположились на правом берегу. «На правом фланге лагеря нашего арьергарда, в Красной Пахре, - писал Бутурлин, - был обширный барский дом, в котором поместились все наши генералы». Среди них были Милорадович и Васильчиков. После обеда Бутурлин был приглашен Васильчиковым для составления диспозиции аванпостов, а Милорадович, как свидетельствует Н.Н. Муравьев, «по обыкновению своему разделся и лег спать». «Мы, - вспоминает Бутурлин, - развернули наши карты и только что принялись рассматривать их, как вбежал один офицер, совершенно перепуганный, крича: Скорее, скорее, господа, на коней; неприятель в саду! Поднялась страшная суматоха. Все забегали, толкали друг друга, кричали; один спрашивал свои сапоги, другой - свою лошадь. Словом, произошло полное столпотворение». «Милорадович, - добавляет Н.Н. Муравьев, - в испуге вскочил и бегал по комнатам без штанов в колпаке. Васильчиков же сел верхом и поспешил в лагерь». Вместе с ним скакали Д.П. Бутурлин и Н.Н. Муравьев. В лагере Васильчиков поднял тревогу и, встав во главе лейб-гвардии Гусарского полка, который приготовился к атаке быстрее всех, бросился на оказавшегося практически в тылу арьергарда противника. «На самом деле, - отмечал Бутурлин, - неприятеля не было еще в саду, но он показался уже в лесу, в полуверсте от нашего дома. Необходимо было во чтобы то ни стало задержать его, чтобы дать время части нашей кавалерии, находившейся еще на левом берегу Пахры, перейти эту реку».

Согласно воспоминаниям Н.Н. Муравьева, небольшая пехотная колонна противника стояла между кустарником (располагался с левой стороны) и рощей (с правой). Заметив приближающуюся кавалерию неприятель выстроился в каре, но не надеясь устоять отошел к кустарнику, где расположился в густом развернутом строю. Скакавшие вперед гусары не могли атаковать неприятеля в недоступном для них кустарнике и были вынуждены проскакать мимо, направив свой удар на показавшуюся в отдалении кавалерию противника. «Таким образом, - вспоминал Н.Н. Муравьев, - выдержали мы шагах в 50 от опушки кустарника сильный ружейный огонь, по быстроте движения нашего не продолжавшийся впрочем более 2 или 3 минут. Мы проскакали в таком близком расстоянии от неприятельской пехоты, что можно было различать людей в лицо. Однако же французы, по-видимому, оторопели; потому что от множества их выстрелов было ранено у нас только два гусара, остальные же пули просвистали мимо наших ушей». Описывая это столкновение, Н.Н. Муравьев, не имевший склонность положительно оценивать окружавших его людей, особо подчеркнул хладнокровное поведение Васильчикова под огнем неприятеля. «Он, - отмечал Н.Н. Муравьев, - ехал галопом, не обнажив сабли и, оглядываясь, кричал гусарам: "Легче, легче, равняйтесь, гусары!". С сего дня я к нему возымел особое уважение»³⁰.

Иную картину этого столкновения нарисовал капитан Брандт, находившийся в это время в кустарнике, мимо которого вместе с гусарами скакал Н.Н. Муравьев. «В четыре часа пополудни, - вспоминал Брандт, - мы расположились лагерем близ Чесвиц (Ческовицы?) и Башковиц(ы)³¹, и вслед за тем распространился слух, что неподалеку находится неприятельский лагерь». Брандт был послан на рекогносцировку с двумя ротами вольтижеров и ротой мушкетеров. После отхода от аванпостов примерно на тысячу шагов Брандту дали знать, что впереди обнаружился лагерь русских войск. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в ложине, на расстоянии четверти мили, стояло три или четыре полка кавалерии, готовившиеся к выступлению. По всей видимости, неприятель обнаружил бивак 1-го кавалерийского корпуса, в котором Васильчиков поднимал людей для атаки внезапно появившегося неприятеля. Как видно, противоборствующие стороны не были готовы к встрече, которая для них оказалась полной неожиданностью. «Впереди меня, - писал Брандт, - лежал кустарник из молодых березок, через который мог проехать смелый кавалерист. Шагах в трехстах дальше был лесок побольше, из порядочных деревьев». Это описание позиции несколько отличается от того, что увидел Н.Н. Муравьев, хотя в обоих случаях упомянуты и кустарник и лесок (роща).

Заняв своим отрядом кустарник, Брандт приготовился к бою. В это время он получил известие о

приближении русской кавалерии. «Действительно, - продолжал Брандт, - я увидел три или четыре полка, двигавшиеся в эскадронных колоннах». Кавалеристы, маневрируя, оказались вблизи березового кустарника, где были «встречены хорошо поддержанным огнем. С первыми выстрелами они бросились вперед, с криком проскакали через кустарник, собрались за ним и быстро исчезли в той стороне, откуда пришли. Тогда я вышел из своей засады. Мы насчитали убитыми четырнадцать лошадей и четырех солдат». После этого Брандт отступил к своим аванпостам, откуда навстречу ему уже ехал Мюрат с бригадой кавалерии. Узнав о случившемся, он послал несколько эскадронов преследовать противника, которые с наступлением темноты вернулись, не встретив ни одного человека³².

Последнее утверждение Брандта опровергает Н.Н. Муравьев. Он свидетельствует, что, выдержав неприятельский обстрел, лейб-гвардии Гусарский полк устремился на появившуюся кавалерию противника, которая, не приняв боя, отступила. Однако уйти ей без потерь не удалось. Подоспевшие к месту боя уланы лейб-гвардии Уланского полка обогнули рошу и, «увидя неприятельскую конницу, ударили на нее, нагнали и привели человек десять пленных»³³.

Убедившись, что выбить неприятеля из кустарника без пехоты невозможно, Васильчиков направил Бутурлина к Милорадовичу за подкреплением. Последний приказал командовавшему 2-й гренадерской дивизией генерал-майору П.П. Пассеку чтобы тот шел со своей дивизией на помощь к Васильчикову. Но, как отмечает Бутурлин, «Пассек, столько же желавший драться, сколько я - повеситься» вместо дивизии направил к месту боя один только полк. Посчитав эти силы недостаточными, Васильчиков снова отправляет Бутурлина требовать от Пассека дивизию. «Но Пассек, - пишет Бутурлин, - более боявшийся идти на встречу неприятеля, чем послушаться Васильчикова, пустился в рассуждения; он утверждал, что целой дивизии было слишком много и, не смотря на мои представления, послал еще лишь одну бригаду, а сам с остальными тремя полками, не двинулся с места». По свидетельству Бутурлина, Васильчиков получил приказ не вступать в серьезное столкновение, а ограничиться лишь прикрытием отхода арьергарда от Красной Пахры³⁴.

После столкновения с неприятельской кавалерией, о котором ничего в своих мемуарах не пишет Брандт, «Васильчиков, - как свидетельствует Н.Н. Муравьев, - остановил гусар и с кем-то разговаривал, когда два неожиданные пушечные выстрела принесли одно в след за другим два ядра, которые пали рикошетом перед самой лошадью генерала». При этом никакого противника видно впереди не было. Подошедшая пехота вошла в лес, но никого там уже не застала. Этим, считал Н.Н. Муравьев, завершился инцидент при Красной Пахре. Бутурлин, в свою очередь, сообщал, что после появления пехоты «все дело ограничилось незначительной ружейной перестрелкой»³⁵. Как бы то ни было, противник не стал дожидаться усиления русского отряда и удерживать занятую позицию. При первой возможности неприятельская пехота покинула поле боя, что касается кавалерии, то она сделала это еще раньше.

Таким образом, вечером 15 сентября произошел даже не бой, а небольшая стычка между внезапно оказавшимися друг против друга отрядами. В ходе этого столкновения лейб-гвардии Гусарский полк попал под огонь польской пехоты и лейб-гвардии Уланский полк успешно атаковал неприятельский кавалерийский отряд. По мнению Бутурлина, виновниками этого инцидента были стоявшие на аванпостах казаки, из-за небрежного несения службы позволившие беспрепятственно подойти отряду неприятеля к месторасположению русского арьергарда³⁶.

При всей незначительности столкновения появление противника на фланге русских войск привело к оставлению Красной Пахры и отходу вечером 15 сентября арьергарда по Старой Калужской дороге на сближение с главными силами армии. По свидетельству Бутурлина, арьергард, в состав которого вошел прикрывавший ранее фланг армии отряд Раевского, расположился между Голохвостово и Чириково, имея аванпосты вблизи Красной Пахры³⁷.

Неординарность ситуации, когда опасности подверглись жизни генералов Милорадовича, Васильчикова и состоявших при них офицеров, спокойно расположившихся на ночлег в помещичьем доме, привлекла особое внимание современников. Во многих мемуарах сохранились противоречивые версии описания этого эпизода. Так, состоявший при Милорадовиче полевой генерал-аудитор 2-й армии С.И. Маевский, имевший склонность все события войны связывать со своим именем, утверждал, что противник проник в кухню Милорадовича и истребил его обед. Однако Маевский сумел решить эту проблему. Сначала он атаковал неприятеля силами конвоя, а когда противник усилился, ввел в дело Васильчикова и Пассека. Находившийся при Главном штабе прапорщик квартирмейстерской части А.А. Щербинин писал, что господский дом был впереди лагеря. Подступы к нему охраняли два полка башкир, которые допустили к дому французских улан, обнаруженных Милорадовичем из своего окна. Начальник штаба 1-й армии А.П. Ермолов вспоминал, что Милорадович «вздумал роскошествовать», занял великолепный дом, пригласил на обед многих генералов «в полной уверенности весело отдохнуть от трудов», но появились два эскадрона пруссаков, которых удалось отбить силами

стоявшего во дворе конвоя³⁸.

Заметная активизация противника на подступах к русским войскам заставила командование принять ответные меры и подготовиться к атаке неприятеля. В предписаниях, посланных 15 сентября из Главной квартиры Кутузова, указывалось Остерману-Толстому на рассвете 16 сентября атаковать противника, разбить его и прогнать, если удастся, до Подольска. В подкрепление ему направлялась 26-я пехотная дивизия. Цель этого наступления заключалась в том, чтобы вынудить следовавшие по Серпуховской дороге части неприятеля прекратить свое движение и вернуться назад³⁹. Однако атака, назначенная на 16 сентября, не состоялась. В этот день, по свидетельству Радожицкого, войска Остермана-Толстого прошли только три версты, преследуемые неприятелем, а вечером перешли р. Мочу у д. Окулово (Акулово).

Отойдя еще версты на две по дороге к Воронову Остерман-Толстой занял «довольно выгодную позицию», на правом фланге которой расположилась 26-я дивизия⁴⁰. Следовательно, войска, назначенные первоначально для наступления на Подольск, были оставлены в качестве прикрытия на Вороновской дороге, ведущей в тыл русской армии.

Отказ от наступательных действий мог произойти оттого, что Кутузов посчитал позицию, на которой стояли русские войска, не достаточно хорошей для принятия сражения и решил не бросать Наполеону вызов, отложив противоборство до перехода на более выгодную местность. Именно так объяснял действия главнокомандующего его бессменный ординарец князь А.Б. Голицын. «Кутузов, - писал он, - часто обвинялся за то, что он избегал дать сражение для разбития авангарда французской армии в такое время, когда это было плодом самых глубоких размышлений и соображений его. Когда армия ретировалась от Красной Пахры по старой Калужской дороге, то существовала еще во всех движениях обеих армий большая неопределительность». По свидетельству Голицына, Кутузов решил последовать совету Беннигсена, «чтобы атаковать авангард французской армии, как вдруг донес Толло подполковник Гартинг, что под Тарутиным есть позиция, на которой можно будет дать сражение и твердо ожидать неприятеля. Простое извещение сие заставило Кутузова велеть продолжать ретироваться, чем огорчил чрезвычайно Беннигсена»⁴¹.

В последующие дни Кутузов принимает решение отвести войска на более выгодную позицию - к Тарутину. По свидетельству Беннигсена, о Тарутинской позиции он впервые узнал 18 сентября от Ермолова, который был послан Кутузовым к нему для выяснения его мнения о возможности отступления⁴². Следует отметить, что в этот день решение о переходе на новую позицию было принято окончательно. В предписании от 18 сентября князю И.М. Вадбольскому, направленному во главе партизанского отряда на Новую Калужскую дорогу, говорилось, что армия «завтрашний день отступит по Старой Калужской дороге до села Спас-Купля, а 20 числа до деревни Тарутиной к реке Наре, куда и имеете доставлять ваши донесения»⁴³. В соответствии с принятым планом русская армия 19 сентября перешла к с. Спас-Купля. В этом месте армия оставалась весь следующий день. Главная квартира располагалась сначала в с. Спас-Купля, затем в с. Богородске (Богородицке). 20 сентября, по свидетельству находившегося при Беннигсене прапорщика Н. Д. Дурново, она была переведена в Тарутино. Тогда же началось выдвижение к избранной позиции артиллерии, которое осуществлялось под прикрытием полка кирасир. Последние, по прибытии на место, занимали постами ближайшие населенные пункты, «дабы жителям никакой обиды и притеснений чинимо не было». Главные силы русской армии, согласно диспозиции, должны были выступить 21 сентября в 5 часов утра. В этот же день армия заняла Тарутинскую позицию⁴⁴. Тем самым завершился отход русских войск по Старой Калужской дороге.

Во время этого движения к Тарутину давление на арьергард со стороны неприятеля заметно усилилось. Выполняя приказ Наполеона, Мюрат стремился отеснить Кутузова как можно дальше от Москвы. После столкновений, происходивших 15 сентября, в действиях противников возникла небольшая пауза. «28 [16] сентября, - отмечал капитан Брандт, - мы простояли в прежней позиции». 17 сентября у Чирикова произошел первый, с момента оставления Москвы, серьезный бой. Русская армия располагалась в это время у д. Бабинки, на левой стороне р. Мочи, готовая вступить в сражение с противником, так как вопрос об отходе на новую позицию еще не был решен окончательно. Впереди армии, на удалении лишь 3 км, находился сильный авангардный отряд под командованием Милорадовича, который должен был удерживать занимаемое место и не дать неприятелю приблизиться к русской армии. Перед Мюратом стояла противоположная задача - приложить все силы к тому, чтобы «отодвинуть» русские войска как можно дальше от Москвы. Стремление противников выполнить данные им приказы стало причиной того, что бой при Чирикове оказался одним из крупных столкновений, свершившихся в период движения русских войск к Тарутину.

17 сентября, в дождливый день, неприятель начал наступление одновременно по трем направлениям. По Старой Калужской дороге двигались Вислинский легион и 2-я пехотная дивизия 1-го

корпуса, поддержанные резервной кавалерией Мюрата. Им противостояли части 8-го пехотного и 1-го кавалерийского корпусов. По дороге на Чириково шел в наступление 5-й армейский корпус Понятовского, действия которого были поддержаны силами 2-го корпуса кавалерийского резерва. Служивший в этом корпусе Роос вспоминал, что «мы и поляки под командованием Понятовского сражались целый день, а к вечеру, при дожде, стали лагерем у деревни, от которой нас отделял ручей с крутыми берегами»⁴⁵. В Чирикове и его окрестностях стоял 7-й пехотный корпус и 4-й кавалерийский корпус.

Кроме того, часть резервной кавалерии Мюрат направил на Вороновскую дорогу - в тыл русской армии. Здесь противнику противостояли значительные силы: 4-й пехотный корпус, 2-й кавалерийский корпус и 26-я пехотная дивизия. Кроме того, сознавая важность этого направления, Кутузов 17 сентября приказал выслать из лагеря в подкрепление стоявших на Вороновской дороге сил 2-й пехотный корпус. Радожицкий, служивший в составе 4-го корпуса, вспоминал, что против них действовала кавалерия Мюрата. «В отряде нашем, - писал Радожицкий, - до полудня было спокойно. Уже перед вечером, в 4 часа, неприятель стал развертывать свои колонны по ту сторону возвышенного берега реки Мочи. Целый час рассматривал он нас, ничего не предпринимая; потом начал спускаться через речку на нашу сторону, в долину, сперва полвзвода кавалерии, потом взвод, эскадрон и так далее всю массу, не подкрепив этого движения артиллерию. Мы позволили им приблизиться сажень на 200 в добром порядке, потом вдруг из всех батарей с линии пустили ядрами и гранатами, так что в несколько минут расстроили тактику кавалерии, которая мигом улетела за речку, и тем нас довольно потешила». Это боевое столкновение, как считал Радожицкий, было единственным в течение всего дня⁴⁶.

Но основные боевые действия развернулись в районе Чирикова, вблизи Старой Калужской дороги. Особенность места боя заключалась в том, что южнее этого населенного пункта располагался значительный лесной массив, который, по сути, стал ареной разыгравшегося противоборства.

Бой при Чирикове начался утром с правого фланга русской позиции. «По утрам, - вспоминал Н.Н. Муравьев, ночевавший в Чирикове, - мы слышали частую канонаду на оконечности нашего правого фланга». Отправившись в сторону слышавшихся выстрелов, Н.Н. Муравьев встретил генерал-майора графа К.К. Сиверса, «который будучи на том фланге старшим, должен был распоряжаться войсками. Он так растерялся от неожиданного нападения, что скакал во все стороны, как сумасшедший, и не мог от перепугу двух слов сряду сказать. Однако артиллерия наша и пехота стали отстреливаться, и завязалось дело». Неприятельские войска на этом направлении постепенно продвигались вперед. Бутурлин отмечал, что «князь Понятовский занял даже в два часа по полудни Чириково, совершенно ошибочно нами оставленное»⁴⁷. Эти замечания участников боя указывают на то, что русские войска не ожидали нападения и не были готовы на занятых позициях отразить натиск противника. Поэтому с началом боя правый фланг начал постепенно отступать к лесу, оставив Чириково и находившееся перед ним открытое место. Н.Н. Муравьев, ехавший, надо полагать уже после занятия противником Чирикова, в сторону Старой Калужской дороги, стал свидетелем атаки неприятельской кавалерии на позицию русской артиллерии. Видя, что прямой путь к дороге ему отрезан, и услышав выстрелы, подававшиеся назад на правом фланге, он двинулся с двумя казаками через лес. «Мы ехали назад, - записал Н.Н. Муравьев, - но выстрелы, судя по слуху, опередили нас, и я опасался застать неприятельскую пехоту в лесу, которого к счастью французы еще не заняли»⁴⁸. Но постепенно неприятельские войска вошли в лес и, оттесняя русские полки, начали занимать его.

В то время как на правом фланге арьергарда противник успешно двигался вперед, в центре и на левом фланге положение войск оставалось стабильным и боевые действия ограничивались лишь маневрированием, артиллерийской перестрелкой и локальными столкновениями. О слабой активности противников свидетельствует находившийся на этом направлении вместе с Вислинским легионом Брандт. «29 [17] сентября, - пишет он, - снявшись в десять часов утра с позиции, мы скоро наткнулись на русскую кавалерию, артиллерия которой немедленно открыла сильный огонь. Однако она отъехала, заметив, что мы готовимся к атаке». Далее Брандт отметил «необычайную смелость казаков», проявившуюся в эти дни, т.е., надо полагать, в бою при Чирикове и последующих авангардных столкновениях⁴⁹. Как видно, наступавшая по Старой Калужской дороге пехота не проявляла особой активности и участниками боя на этом фланге в большей степени были кавалерия и артиллерия.

О том, что основные силы русской пехоты, как и неприятельской, во время боя оставались в большей степени пассивными наблюдателями, можно видеть из воспоминаний Н.Н. Муравьева. Так, выехав из леса, он столкнулся с пехотой, составлявшей центр позиции. Она была под командованием Милорадовича. Последний, как замечает Н.Н. Муравьев, «находился очень далеко от выстрелов».

Проехав дальше, Н.Н. Муравьев оказался на Старой Калужской дороге, в районе которой он нашел графа В.В. Орлова-Денисова «с конницею, удерживавшего натиск неприятеля». Орлов-Денисов принял

с 16 сентября командование кавалерией аръергарда, вместо заболевшего Васильчикова. Тогда же Н.Н. Муравьев стал участником кавалерийской атаки. «Одна неприятельская батарея, - вспоминал он, - вредила нашей коннице. Милорадович хотел ознаменовать свое появление в дело овладением орудиями. Каким то глупым, гнусливым и осиплым голосом приказал он одному эскадрону Литовского уланского полка скакать через лес и взять неприятельскую батарею». Увидев малочисленность эскадрона, Милорадович направил весь полк и усилил его казачьим полком. Вслед за ними был послан Н.Н. Муравьев, чтобы сообщить об успехе предприятия. Преодолев лес, уланы и казаки начали выезжать на открытое пространство, чтобы ударить во фланг батареи. Одновременно с фронта неприятельская артиллерия была атакована Елисаветградским гусарским полком. Однако появившаяся кавалерия противника отбросила гусар назад, а рассыпанные по лесу уланы «смотрели на французскую конницу и кричали: ура! но вперед не продвигались. Ни побои, ни слова, ни понуждения, ни удары, ничего не помогло». С другой стороны, появившиеся в лесу неприятельские стрелки стали обстреливать улан и, по словам Н.Н. Муравьева, «перебили много людей». Противник сvez батарею, а Литовский уланский полк возвратился на позицию⁵⁰.

Следует отметить, что не только критически настроенный Н.Н. Муравьев отметил отсутствие четкого управления действиями войск аръергарда, недостаточно ревностное выполнение командирами своих обязанностей и явную ограниченность боевых задач. В этом же ключе бой под Чириково освещает еще один его непосредственный участник - состоявший при Милорадовиче полевой генерал-аудитор Маевский. Следует, правда, отметить, что мемуары Маевского отличаются сбивчивостью изложения и хронологической непоследовательностью. При этом анализ содержания той части, которая касается движения русских войск к Тарутину, позволяет сделать заключение, что описание боевого столкновения в аръергарде, которое он называет сражением под Вороново, на деле является боем при Чириково. Маевский утверждал, что Милорадович во время боя «сам как будто не принимал ни в чем участия. Для него все было хорошо, когда двигались и дрались. Он с фанфаронскою миною рисовался на своем коне и с такою же миною отдавал приказания. Это был Ричард Львиное Сердце». В свою очередь, отдельные начальники поступали по своему произволу. Так, Маевскому было поручено ввести в дело неподвижно стоявшего с кавалерией командира 1-й бригады 4-го кавалерийского корпуса генерал-майора И. Д. Панчулидзева. «Я объявил ему приказание, но оно на него не подействовало», - вспоминает Маевский. Панчулидзева заявил, что впереди него в лесу стоит неприятельская пехота, которая ударит ему во фланг и не даст совершить требуемого от него движения. Маевский поскакал к лесу и, убедившись, что в пролеске стоит «один или еще и менее батальона, который на площадке просто караулил неподвижные наши движения», сообщил об этом Панчулиздеву. Но тот отказался двигаться вперед и требовал артиллерию. Тогда Маевский обратился к Милорадовичу с просьбой позволить ему атаковать противника пехотой и получил на это разрешение. «Я взял конвойный батальон, - продолжал Маевский, - и готов был со словом "ура!" броситься в лес, как в ту же минуту прискакал от Милорадовича известный Потемкин⁵¹ и приказал для острастки неприятеля открыть по нему огонь. Батальон этот тотчас расстроился и не достиг своей цели; а Панчулидзева и французский батальон остались неподвижно на своих местах».

Так же нелестно отозвался полевой генерал-аудитор и о деятельности состоявшего при Милорадовиче поручика лейб-гвардии Конно-артиллерийской роты П.Х. Граббе, который, по словам Маевского, «управлял в сей день позициею боя». Граббе поставил орудия так, что «они стреляли вертикально, а в 10 шагах от них был густой лес, никем не занятый и неприкрытый. Неприятеля на его линии не было, а наши не трогались с места».

Отмечая пассивность войск, Маевский обращает внимание на бессмысленное поведение начальника аръергарда в ходе боя. «Странно, - пишет он, - было видеть несметливость Милорадовича... Не подозревая, что неприятель огибает весь правый наш фланг, он приказывает: "Господин Маевский! поезжайте вон к той кавалерии; скажите, чтобы она пошла в атаку: сначала рысью, потом в галоп и потом во весь карьер". С сим словом, дав шпоры своей лошади, как вихрь умчался в другую сторону»⁵².

Однако, несмотря на отмеченное мемуаристами отсутствие со стороны Милорадовича четкого руководства боем, он постоянно находился под огнем противника, вблизи неприятельских войск. Это позволяло ему лично наблюдать за ходом боя, происходившего в сложной, лесистой местности. Кроме того, бесстрашие Милорадовича служило хорошим примером для солдат и офицеров, видевших, что их начальник наравне с ними, а то и больше, рискует своей жизнью. Такого рода личный пример делал оборону более устойчивой. Следовательно, нельзя безоговорочно принимать критику в адрес Милорадовича со стороны участников боя при Чирикове, так как задача аръергарда в тот день заключалась не в нанесении поражения неприятелю, а в удержании за собой занятой позиции и недопущении противника приблизиться к главным силам армии. Кроме того, несправедливо

утверждать, как это делает Маевский, что Милорадович не знал, что происходит у него на правом фланге. Трудно предположить, что без ведома начальника арьергарда для поддержки этого фланга была направлена 27-я пехотная дивизия 8-го пехотного корпуса.

В то время как центр и левый фланг сдерживали неприятеля, правый фланг продолжал подаваться назад. Неприятель, по словам Бутурлина, «не воспользовался выгодой, которую доставляло ему занятие этого села (Чирикова. - *В.Б.*), чтобы утвердиться в лесу, простиравшемся от Чирикова до Никольского и прикрывавшем фланг арьергарда». Понятовский направил в лес пехоту, но численность ее была незначительна. Поэтому, когда находившиеся на фланге русские войска предприняли ответное движение, «егерские полки выгнали ее (неприятельскую пехоту. - *В.Б.*) без особого труда из лесу до его опушки». Получив подкрепление, противник остановил наступление русских егерей и удержал за собой опушку леса.

В это время 27-я пехотная дивизия получает приказ пройти через лес и ударить на левый фланг неприятеля. «Но едва эта дивизия, - вспоминает Бутурлин, - двигавшаяся двумя колоннами, начала выходить из лесу, как была встречена сильнейшим ружейным огнем и картечными залпами с батареи. По одной из тех случайностей, так часто бывающих на войне, эта дивизия, проявившая много мужества во всех делах, в которых она до тех пор участвовала, в настоящем случае дурно поддержала свою репутацию. С первых же залпов она не выдержала, отступила в лес, где лишь с большим трудом удалось привести ее в порядок»⁵³. Об участии 27-й пехотной дивизии в бою при Чирикове писал в своих записках и генерал-квартирмейстер армий генерал-майор М.С. Вистицкий. Он указывает, что двум бригадам дивизии было поручено взять четыре неприятельские орудия, находившиеся вблизи русской позиции. Продвигаясь по лесу, бригады сбились с пути и вместо поворота налево пошли прямо. Но как только полки выступили из леса, «вдруг открылась по ним пальба и кавалерийская атака. Ни остановить их ни устроить было нельзя. Неверовский говорит, что он в сей день был между двух огней - своего и неприятельского»⁵⁴. Последнее обстоятельство, а не слепая случайность, заметил Бутурлин, вполне могло стать причиной беспорядочного отхода дивизии в лес.

Несмотря на неудачные действия 27-й пехотной дивизии, положение дел на правом фланге с приближением ночи изменилось в пользу русских войск. «К вечеру, - свидетельствует Бутурлин, - неприятель был совершенно выбит из лесу, и наши войска, продолжая с успехом свои действия, с наступлением ночи овладели даже селом Чириковым». Аналогичным образом оценивает исход боя родной брат Н.Н. Муравьева - А.Н. Муравьев, который в своих записках отметил, что в Чирикове «на нас напал польский корпус Понятовского. Тут Милорадович с подкреплением принял главное начальство над арьергардом: Понятовский был отбит». То есть на правом фланге русские войска вернулись практически на те же позиции, которые они занимали утром 17 сентября. В рапорте Милорадовича о бое при Чирикове особо отмечалось, что «охотники из ратников, с примерным мужеством бросаясь на штыки, выгнали неприятеля из деревни Чириковой»⁵⁵. Исходя из того, что арьергард удержал движение войск противника, трудно считать справедливым заключение Маевского, что под Чириковым было «неудачное или больше беспокойное сражение»⁵⁶.

Согласно сводной ведомости о потерях русских войск с 16 июня по 14 октября, составленной в декабре 1812 г. дежурным генералом 1-й Западной армии П.А. Кикиным, в бою при Чирикове войска арьергарда лишились 804 человек (убит один офицер и 96 нижних чинов, ранено 10 офицеров и 336 нижних чинов, пропал без вести 361 нижний чин)⁵⁷. В этом деле разездом Киевского драгунского полка был взят в плен маршал де канн неаполитанской службы Г. Ферье, которого приняли за начальника Главного штаба Мюрата, и его адъютант. Кроме того, в плену оказался еще и адъютант Понятовского граф Потоцкий⁵⁸.

Следовательно, бой при Чирикове стал одним из крупных столкновений, происходивших в период движения русских войск от Красной Пахры к Тарутину. Его можно расценивать как своего рода «пробу сил» противоборствующих сторон в том положении, которое сложилось к середине сентября на театре военных действий, когда авангардный отряд Мюрата вступил в открытое противоборство с более сильным противником - войсками Кутузова. При этом Мюрат сделал ставку не на применение открытой силы во фронтальной атаке, а прибегнул к маневрированию войсками на правом фланге русского арьергарда с целью заставить его под угрозой обхода начать отступление. Важно отметить, что наступление противника велось не только на арьергард, но и в тыл русской армии, по дороге на Вороново. События, происходившее в этом направлении не были непосредственно связаны с противоборством, происходившим в районе Чирикова вблизи Старой Калужской дороги, поэтому отнесение их к этому бою возможно только с определенной долей условности. Собственно, боевые действия на Вороновской дороге ограничились попыткой неприятеля переправиться через р. Мочу, которая без особого труда была отбита русской артиллерией. Следует особо отметить, что если это столкновение называть по населенному пункту, то его тоже можно связать с Чириковым, но совсем не

тем, которое расположено вблизи Старой Калужской дороги, а другим - находившимся на правом берегу р. Мочи. Именно в районе этого второго Чирикова, по удивительному стечению обстоятельств, и стояли прикрывавшие дорогу на Вороново русские войска.

Что касается боя при Чирикове, которое было вблизи Старой Калужской дороги, то основные события его разыгрались не у самой дороги, где противники в основном наблюдали друг друга, ограничиваясь действиями артиллерии и атаками кавалерии, а на правом фланге в районе Чирикова. Наступавший здесь польский корпус при поддержке 2-го корпуса кавалерийского резерва вступил в открытое противоборство с находившимися на этом направлении войсками Раевского. Весь ход боя, длившегося примерно 12 часов, условно можно разделить на два этапа, в зависимости от степени активности на правом фланге.

Первый связан с успешным ведением боевых действий противником и оставлением русскими войсками своей позиции. По имеющимся указаниям мемуаристов можно заключить, что правый фланг был атакован утром 17 сентября. Зная, что в этот день восход солнца был примерно в четверть седьмого, можно предположить, что бой начался в районе 7 часов. При этом атаку поляков нельзя назвать стремительной или решительной. Противник буквально на ощупь в течение семи-восьми часов постепенно продвигался вперед, тесня войска арьергарда. Около 10 часов утра пришли в движения части авангарда Мюрата, располагавшиеся на Старой Калужской дороге. С вступлением их в столкновение с русскими частями, которое, вероятно, произошло около 11 часов, бой развернулся по всей линии арьергарда. В 2 часа дня польские войска заняли Чириково, а затем вошли в лежащий за ним лес.

С этого момента начинается второй этап, длившийся около пяти часов, когда русские войска перестали отходить и вступили в борьбу с противником за обладание лесом. Неприятель был вытеснен к опушке леса, но здесь наступление русских сил приостановилось. На правый фланг на помощь сражавшимся войскам была направлена 27-я пехотная дивизия, неудачно атаковавшая противника. Положение дел в пользу русских войск изменилось к вечеру. Вероятно, после захода солнца, в районе 6 часов, части арьергарда сумели оттеснить неприятеля от леса и, продолжая движение вперед, с наступлением ночи заняли Чириково.

В итоге Мюрату не удалось сдвинуть русский арьергард с занимаемой позиции и все его усилия, предпринимаемые на левом фланге, оказались тщетны. Тем самым можно говорить о том, что бой при Чирикове закончился в пользу русской армии. Вместе с тем Кутузов, видя маневры противника на своем правом фланге, оценил слабость своей позиции при Бабинках, которая могла быть обойдена по Вороновской дороге. Тем самым успешный для русского арьергарда бой при Чирикове продемонстрировал намерения противника и оказал определенное влияние на решение о переходе к Тарутину, которое было окончательно принято уже на следующий день (18 сентября).

18 сентября Кутузов приказал арьергардным отрядам Милорадовича и Остермана-Толстого держаться на своих позициях. Впрочем, войска противника активных боевых действий не вели, ограничив свою деятельность маневрированием и перестрелкой на аванпостах. Об этом 18 сентября Милорадович информировал Коновницына, сообщив, что по Старой Калужской дороге движутся шесть колонн неприятеля, с которыми была перестрелка, и «аванпосты наши по сей дороге отступили с версту; во всех других пунктах они остались на прежних местах». Кроме того, недалеко от Чирикова показалось пять колонн пехоты с 12 орудиями и кавалерией, которые расположились в лесу не предпринимая никаких действий⁵⁹. Как видно, в этот день принципиальных изменений в положении противников не произошло.

Так же спокойно прошел и следующий день. Лишь к вечеру 19 сентября Мюрат привел свои силы в движение. В 5 часов, как рапортовал Милорадович, были атакованы аванпосты у Чирикова, которые отступили по Старой Калужской дороге на 2 км к д. Голохвостово (Голохвастово).

20 сентября, опять к вечеру, арьергард русских войск, расположившийся впереди Воронова, был снова атакован. Части противника при поддержке артиллерии решительно наступали на аванпосты и отбросили их к арьергарду. Стоявшие впереди Воронова основные силы вступили в бой с противником, который начал обходить правый фланг позиции. Видя серьезные намерения Мюрата сбить русские силы и имея за собой труднопроходимое Вороновское дефиле, Милорадович приказал отступать за деревню пехоте и артиллерии. Оставшись с регулярной кавалерией, казаками и конной артиллерией, он отразил обходное движение противника и удержал на время его стремление к Воронову. «Мы сделали ошибку, - вспоминал Бутурлин, - заставив нашу пехоту проходить Вороновским дефилеом и допустив запрудить лежащую впереди этого селения небольшую равнину всюю нашею кавалериею, которая для своего отступления могла воспользоваться лишь этим же самым, весьма трудным для прохождения, дефилеом. К счастью, неприятель не теснил нас сильно и дал нам возможность отступить без потерь». Отойдя за Вороново более километра, Милорадович остановил

арьергард, выставив в 500 м впереди главных сил аванпосты. По данным сводной ведомости Кикина, потери в этот день со стороны русских войск были ничтожны - всего 21 человек (убито восемь, ранено девять, пропало без вести четыре нижних чина)⁶⁰.

По свидетельству Бутурлина, поздно вечером, когда сражение казалось уже законченным, внезапно по всей неприятельской линии был дан залп. «Только впоследствии, - отмечал он, - мы узнали причину этой странной пальбы. Граф Ростопчин, владелец Вороновского барского дома, оставил на нем надпись, оскорбительную для французов; лишь только они прочли ее, то чтобы отомстить за нее, они нас и угостили этой пальбою. Если бы граф Ростопчин был извещен об этом происшествии, то он раскаялся бы в бесполезной хвостовской угрозе, которая стоила жизни нескольким из наших». Эта надпись, заставившая солдат Наполеона прийти в ярость и демонстрировавшая продолжение бескомпромиссной борьбы, запечатлелась во многих воспоминаниях представителей Великой армии, переживших кампанию 1812 года. Например, Сегюр писал, что Ростопчин после сожжения усадьбы «твердой рукой начертал на железных дверях уцелевшей церкви следующие слова, которые французы позже прочли, содрогаясь от неожиданности: "Я украшал эту деревню в течение восьми лет и прожил в ней счастливо со своей семьей. Жители этой местности, числом 1700 человек, покидают ее при вашем приближении, а я поджигаю дом, чтобы вы не осквернили его своим присутствием. Французы! Я оставил вам свои дома в Москве с обстановкой в два миллиона рублей, здесь же вы найдете только пепел!". Подобный текст приводит в своих мемуарах и Коленкур, но он указывает, что слова Ростопчина были помещены в афише, прибитой на дорожном столбе. «Афишу, - пишет Коленкур, - принесли императору, который высмеял этот поступок. Он много говорил о ней в этом духе и послал ее на посмешище в Париж, но там, как и в армии, результат был совершенно противоположный. Афиша произвела глубокое впечатление на всех мыслящих людей и, по крайней мере, поскольку речь шла о поступке Ростопчина, пожертвовавшего своим домом, она встретила больше одобрения, чем критики». Иную версию увиденной надписи дал адъютант командира 2-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса Мишель. Он свидетельствовал: «Мы обнаружили на этой дороге деревню Вороново, в которой находился дворец генерала Ростопчина, который он сжег накануне, написав на стене, что "ни одна французская собака не будет здесь жить", буквальный перевод выражения french dogs... Это все, что мы заметили, проходя через деревню»⁶¹. Как видно, надпись обнаруженная на стене, содержала английские слова. Можно предположить, что Ростопчин оставил в Воронове разные варианты посланий, подчеркивающих главную мысль, что он сознательно жертвует своим имуществом, что бы оно не попало в руки врагов.

21 сентября Мюрат продолжил свое наступление. В этот день состоялся бой при Спас-Купле, а 22 сентября бой при Виньково, остановивший дальнейшее движение отряда Мюрата. После этого боевые действия на главном направлении были приостановлены. 23 сентября к Кутузову явился бывший французский посол в России граф Ж.А. Лористон, посланный Наполеоном с мирными предложениями.

Итак, следует признать, что движение от Красной Пахры до Тарутина не было заранее продумано и, как в случае с фланговым маневром, являлось реакцией на действия противника. Стратегическая инициатива по-прежнему оставалась в руках Наполеона, который свободно маневрировал войсками в районе Москвы, особо не опасаясь наступательных действий со стороны Кутузова. Последний, предприняв фланговый маневр остановился в Красной Пахре в ожидании дальнейшего развития событий, которые не заставили себя ждать. Приближение противника с фронта и правого фланга продемонстрировало слабость позиции при Красной Пахре, которая могла быть легко обойдена. Кутузов, не располагавший точными сведениями о числе и составе войск неприятеля, не мог не считаться с возможностью присутствия Наполеона с главными силами на своем правом фланге. Он понимал, что его появление могло грозить русским войскам катастрофой. Поэтому главнокомандующий не стал в подготовленной к обороне позиции дожидаться, пока его коммуникационная линия будет перерезана, и при первых признаках проявления активности со стороны противника на своем фланге начал отступательное движение. При этом Кутузов продолжал наблюдать за развитием событий и не терял контакта с войсками неприятеля, стараясь отслеживать делаемые им движения.

Необходимо также отметить, что в этой неоднозначной ситуации Беннигсен постоянно настаивал на переходе к активным наступательным действиям, в то время как Кутузов, придерживавшийся выжидательной тактики, стремился избежать серьезного сражения. Царившие в штабе противоположные точки зрения на ведение войны отразились в неоднократных приказах о наступлении, принимавшихся под давлением Беннигсена, и последующих отменах этого движения, происходивших по повелению главнокомандующего под предлогом ожидаемого наступления неприятеля.

В свою очередь, Наполеон, оставив главные силы Великой армии в Москве, приказал Мюрату с

ограниченным количеством войск отеснить русские силы по Старой Калужской дороге до р. Оки. Естественно, соотношение сил было не в пользу противника. Однако, выполняя распоряжение Наполеона, Мюрат вступил в противоборство с арьберггардом, стремясь сбить его с позиций и тем самым заставить Кутузова отступить. При этом Мюрат явно не рассчитывал добиться успеха с помощью фронтального воздействия на арьберггард, а пытался достичь результата посредством маневрирования на правом фланге русских войск. Эта тактика, связанная со стремлением обойти противника, неоднократно использовалась начальником неприятельского авангарда. Первая серьезная «проба сил» произошла в бою при Чирикове 17 сентября, который закончился в пользу русских войск. Этот бой показал, что у Мюрата недостаточно сил, чтобы заставить русскую армию начать отступление. Но одновременно Кутузов увидел возможный сценарий развития событий в случае усиления находившихся против него сил, которые непременно будут стараться зайти в тыл русской армии, через дорогу на Вороново. Сознавая уязвимость своей позиции, Кутузов принимает решение об отступлении к Тарутину, стоявшему на левом берегу р. Нары. С этого момента армия постепенно начинает отходить по Старой Калужской дороге, соизмеряя скорость своего движения с активностью авангарда противника. Последний, перешел в наступление только на второй день, после боя при Чирикове, и в течение четырех последующих дней, с 19 по 22 сентября, вел бои с русским арьберггардом, постепенно отступавшим по Старой Калужской дороге. Это продолжалось до того момента, пока 22 сентября, в ходе боя при Винькове, Милорадович не получил приказ держаться на занятой позиции. После этого все усилия Мюрата двинуться вперед оказались тщетны.

Тем самым можно констатировать, что переход к Тарутину осуществлялся Кутузовым постепенно, и каждый новый шаг делался в зависимости от действий противника. Немаловажную роль в принятии решений об оставлении позиций сначала на р. Пахре, а затем на р. Моче играла опасность обхода неприятелем правого фланга, которую в ходе арьберггардных боев с успехом отражали русские войска. При этом следует обратить внимание на то, что войска арьберггарда выполняли стоявшие перед ними задачи несмотря на отсутствие среди генералитета должной дисциплины, о чем неоднократно свидетельствовали мемуаристы. Таким образом, всестороннее изучение хода событий, касающихся движения русских войск от Красной Пахры к Тарутину дает возможность представить последовательность происходивших действий, определить причины принятия тех или иных решений и получить ответы на многие вопросы, возникающие при обращении к одному из сложнейших и неоднозначных периодов Отечественной войны 1812 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М., 2004. С. 691-692.

² См. напр.: *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 436—441; *Жилин П.А.* Гибель Наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 186-190; *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 198-201; *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Фельдмаршал Кутузов: Ист.-биограф. очерк. М., 1995. С. 319-323.

³ См. напр.: *Бутурлин Д.П.* Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1823. Ч. 1. С. 309-310, 316-326; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1840. Ч. 3. С. 1-18; *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 252-253, 333-338, 341; *Тарле Е.В.* 1812 год. М., 1959. С. 635.

⁴ См. напр.: М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 243.

⁵ На главном направлении в 1812 г. действовали 1-я и 2-я Западные армии. Приказом от 16 сентября 1812 г. Кутузов присоединил 2-ю армию к 1-й, оставив за ней прежнее название (Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-ученого архива. СПб., 1912. Т. XVIII. С. 84).

⁶ Подробнее см.: *Бессонов В.А.* Фланговый маневр русской армии в сентябре 1812 г. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2007. С. 7-26

⁷ В тексте даты приводятся по старому стилю. В цитатах сохраняется стиль источника, но для дат, указанных по новому стилю, в квадратных скобках дается дата по старому летоисчислению.

⁸ В работе «Тарутинское сражение» автор уже обращался к данному вопросу, где он рассматривался в общем плане, без соответствующей детализации (*Бессонов В.А.* Тарутинское сражение. М., 2008. С. 10-31).

⁹ В 1812 г. барон Е.И. Меллер-Закомельский был командующим 1-м кавалерийским корпусом, в то время как командир корпуса Ф.П. Уваров являлся командующим регулярной кавалерией 1-й Западной армии. Официально начальником 1-го кавалерийского корпуса Е. И. Меллер-Закомельский был назначен 4 октября 1812 г. приказом Кутузова по армии. (Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. XIX. С. 333; *Васильев А.А., Елисеев А.А.* Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 г.: Состав войск и численность. М., 1997. С. 31, 62, 87, 96; Отечественная война 1812 г.:

Энциклопедия. С. 455).

¹⁰Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. XVIII. С. 45-46, 48; М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 253; *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 334, 337.

¹¹М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 271, 282-284, 337-338; [*Барклай де Толли М.Б.*]. Изображение военных действий 1-й армии // Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. XVIII. С. 192-193; *Беннигсен Л.Л.* Записки графа Л.Л. Беннигсена о кампании 1812 г. // Рус. старина. 1909. №9. С. 512.

¹²Сводный корпус Бессьера имел в своем составе следующие части: 4-я пехотная дивизия 1-го армейского корпуса, 1-я бригада легкой кавалерийской дивизии 1-го армейского корпуса, 3-й корпус кавалерийского резерва, сводная бригада (4-я и 5-я бригады) гвардейской кавалерии (*Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. Vol. 2. P. 148-149; *Васильев А.А.* Первого армейского корпуса кавалерия // Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. С. 558; *Земцов В.Н.* Тарутинский марш-маневр М.И. Кутузова (по французским документам) // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Можайск, 2008. С. 159, 162). В Десну 11 сентября могли вступить шедшие впереди сводного корпуса части 4-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса.

¹³*Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. // Рус. старина. 1894. №10. С. 212.

¹⁴Приказом по 1-й Западной армии от 31 августа 1812 г. 2-й и 3-й резервные кавалерийские корпуса были объединены в один корпус под начальством командира 2-го резервного кавалерийского корпуса генерал-майора барона Ф.К. Корфа. После этого 3-й кавалерийский корпус существовал в армии лишь номинально. (Бородино: Документальная хроника. М., 2004. С. 147; *Крейц К.А.* Записки Крейца // *Харкевич В.И.* 1812 г. в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 75; *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 472; *Васильев А.А., Елисеев А.А.* Указ. соч. С. 32.

¹⁵М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 291-292.

¹⁶Там же. С. 292-293.

¹⁷Там же. С. 293; *Беннигсен Л.Л.* Указ. соч. С. 512; [*Барклай де Толли М.Б.*] Указ. соч. С. 192-193.

¹⁸*Fain A.-J.-F.* Manuscrit de 1812. P., 1827. Т. 2. P. 110-111, 177-178; *Chambray G.* Op. cit. P. 145, 148-149; *Коленкур А. де.* Мемуары: Поход в Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 155-156; Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. XVIII. С. 55; М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 271, 337. *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 158-162.

¹⁹ *Chambray G.* Op. cit. P. 149. Бутурлин указывает, что противник появился в окрестностях Подольска 11 сентября (*Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. С. 212).

²⁰ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 338; *Муравьев А.Н.* Автобиографические записки // Декабристы: Новые материалы. М., 1955. С. 202; *Брандт Г.* Из записок прусского генерала от инфантерии Брандта о походе Наполеона в Россию в 1812 г. // Воен. сборник. 1870. №4. С. 250-251.

²¹ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 302; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. С. 213; *Радожницкий И.Т.* Походные записки артиллериста 1812 г.: Война в России. Киев, 1912. С. 81.

²² *Chambray G.* Op. cit. P. 149-151; *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 166-167.

²³ *Роос Г.* С Наполеоном в Россию. М., 2003. С. 67.

²⁴ *Радожницкий И.Т.* Указ. соч. С. 81.

²⁵ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 307, 308; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. С. 213.

²⁶ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. XVIII. С. 83.

²⁷ *Радожницкий И.Т.* Указ. соч. С. 81-82.

²⁸ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 311.

²⁹ *Брандт Г.* Указ. соч. С. 251; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. С. 213, 215, 216.

³⁰ *Муравьев Н.Н.* Записки Николая Николаевича Муравьева // Рус. архив. 1885. №11. С. 357-358; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. С. 217.

³¹ Названных Г. Брандтом или созвучных им населенных пунктов в районе Красной Пахры не имелось. По всей вероятности, неприятельский отряд был расположен в районе Дерюбрихова и Манкиной Горы, примерно в 3 км от русской позиции.

³² *Брандт Г.* Указ. соч. С. 251-252.

³³ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 358.

³⁴ *Бутурлин Д.П.* История нашествия... С. 217.

³⁵ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 358; *Бутурлин Д.П.* История нашествия... С. 217.

³⁶ *Бутурлин Д.П.* История нашествия... С. 218.

³⁷ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 358; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. С. 218.

³⁸ *Маевский С.И.* Мой век или история генерала Маевского, 1779-1848 гг. // Рус. старина. 1873. №8. С. 149; *Щербинин А.А.* Записки Щербинина // *Харкевич В.И.* Указ. соч. С. 32-33; *Ермолов А.П.* Записки А.П. Ермолова, 1798-1826 гг. М., 1991. С. 208-209.

³⁹ М.И. Кутузов. Т. 4, ч.1. С. 310-311.

⁴⁰ *Радожницкий И.Т.* Указ. соч. С. 82.

⁴¹ *Голицын А.Б.* Записки о войне 1812 г. князя А.Б. Голицына // *Военский К.А.* Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911. С. 72.

⁴² *Беннигсен Л.Л.* Указ. соч. С. 512. В своих записках Беннигсен допустил хронологическую ошибку. Он пишет, что о Тарутинской позиции узнал 17 сентября, после боя при Чирикове, который он относит к 16 сентября. Исходя из последовательности событий, можно сделать заключение, что

Беннигсен узнал о позиции не 17, а 18 сентября.

⁴³ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. XVIII. С. 4; М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 321. При публикации документа в обоих сборниках была допущена ошибка в определении адресата, которым был назван М.А. Милорадович. Однако обращение «ваша светлость» и указание оставить извещательный пост на Новой Калужской дороге позволяют утверждать, что данное предписание было адресовано князю И.М. Вадбольскому, направленному по приказу М. И. Кутузова от 15 сентября на Новую Калужскую дорогу для действий на Можайской и Ружской дорогах (см.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 309).

⁴⁴ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. XVIII. С. 4, 5; М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 331, 340-341; *Дурново Н.Д.* Дневник 1812 г. // 1812 год...: Военные дневники. М., 1990. С. 94.

⁴⁵ *Роос Г.* Указ. соч. С. 67.

⁴⁶ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 321; *Радожницкий И.Т.* Указ. соч. С. 82-83.

⁴⁷ *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. С. 218.

⁴⁸ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 359-360.

⁴⁹ *Брандт Г.* Указ. соч. С. 253-254.

⁵⁰ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 360.

⁵¹ Речь идет о полковнике Я.А. Потемкине, начальнике штаба в арьергарде Милорадовича.

⁵² *Маевский С.И.* Указ. соч. С. 146-148.

⁵³ *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. С. 218.

⁵⁴ *Вистицкий М.С.* Из записок Вистицкого // *Харкевич В.И.* Указ. соч. С. 189.

⁵⁵ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 339.

⁵⁶ *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. С. 361; *Муравьев А.Н.* Указ. соч. С. 202; *Маевский С.И.* Указ. соч. С. 148.

⁵⁷ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 714

⁵⁸ *Попов А.И.* Потери Великой армии в 1812 г.: Высш. команд. состав // Император: Воен.-ист. альманах. 2006. №10. С.11.

⁵⁹ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. XVIII. С. 90; М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 321.

⁶⁰ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. Т. XVIII. С. 96-97; М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 340-341; Ч. 2. С. 714; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. С. 219; *Роос Г.* Указ. соч. С. 69.

⁶¹ *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. С. 219; *Сегюр Ф. де.* Поход в Россию: Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 145; *Коленкур А.* Указ. соч. С. 147-148; *Michel.* Relation des combats des 4 et 18 octobre 1812: Bataille de Taroutino ou combat Winkowo // *Memoires du General Bennigsen.* P., S.a. Vol. 3. P. 254.